

Натали Лавру

Развод по любви

УДК 82-3
ББК 84-4
Л13

Лавру Н.

Л13 Развод по любви / Натали Лавру. – М.: Литнет, 2026. – 214 с.

ISBN 978-5-521-93476-8

С вами когда-нибудь разводились из-за того, что слишком сильно любят? Со мной вот – да. И где, спрашивается, хваленая мужская логика?

В отличие от всяких там козлов, я грязью в лицо... Ой, то есть в грязь лицом не ударю. Да, больно. Расставание – это вам не старую куртку выбросить. Расставание – это маленькая «С».

И, нет, не надо мне тут приползать с раскаянием. Любовь, которую предали, умирает. А если и не умирает, то притворяется таковой.

Ну а что я? Я всё по жизни делаю с любовью. Даже развожусь.

Часть 2 в цикле «Форточница»

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93476-8

© Литнет, 2026

© Лавру Н., 2026

Пролог

Начну свой рассказ с конца, а потом объясню, как докатилась до жизни такой.

Утро не было добрым. Первым, что я увидела, открыв глаза, был дрыхнувший на моём диване... нет, не Костя. Ибо муж у нас, как говорят, объелся всем известных фруктов и сдулся. Но об этом потом.

Герман Маркелов! В прошлом звезда школы и ванильная мечта всех девчонок. Красавчик с пластмассовой улыбкой, который гнобил меня, тыкал лицом в грязный сугроб и знатно попортил мне репутацию.

Только с тех пор прошло два с лишним года, и мы уже не школьники. Я – первокурсница в педагогическом университете, а Маркелов... он такой же неудачник, как ваша покорная рассказчица. Ибо из техникума и из дома его выгнали, а одним успехом у баб сыт не будешь.

Как этот кобелина драный оказался в моей постели, я и сама толком не помню. Вроде бы я шла с работы, мне поплохело, а он мимокрокодил... В общем, меня довели до дома, потом надавили на жалость, якобы бедному красавчику некуда пойти, мир несправедлив и тому подобное.

В маленькой квартирке-студии, где я жила с недавних пор, был только один диван. Как-то я не подумала об этом, когда соглашалась впустить страдальца к себе. Видимо, голова после вечерней смены в кафе совсем не варила.

Ах, какая же я дура, что сжалилась над Маркеловым! Он оттаял с улицы, освоился у меня дома... и активизировался, гад! Всю ночь не давал спать. Теперь мне белый свет не мил.

Тут ещё в дверь звонят. Дружок, мой верный гигант-пёс, громким «Вуф! Вуф!» возвестил о том, что нелёгкая принесла кого-то по мою душу. С самого-то утра...

– В дверь звонят... – сонно простонал Герман.

Спасибо, кэп.

– Ты мне всю ночь спать не давал, так что сам иди и открывай, – тоже сонно, но вдобавок сердито ответила я.

Маркелов не пошёл.

А раз гора не идёт к Магомеду, Магомед сам пойдёт к горе.

У того, кто звонил в дверь, были ключи. И Дружка моего этот кто-то не боялся.

Нелёгкая принесла Костю.

Я даже голову от подушки оторвать не успела, как Маркелова схватили за блондинистые патлы, сбросили с дивана на пол и съездили ему по морде.

М-да, похоже, у него и утро, и ночь выдались ещё кошмарнее, чем у меня.

– Твою ж мать! Да что ж такое... – заскулил Маркелов и обратился ко мне с претензией: – Ты же говорила, что у тебя нет мужа?

– А его и нет, – ответила я, разглядывая своим максимально безмятежным взглядом того, кого нет.

– А это кто тогда? – всё ещё хныча от боли, вопрошал Маркелов. – Бабушка Зина?

– Ага. Вернулась из магазина... – в рифму продолжила я.

Всё-таки отважный чел этот Маркелов. Приставать ко мне ночью, не побоявшись Дружка. Обозвать Костю бабушкой Зиной... Была б я наивной девочкой-припевочкой, млела бы от его шуточек и фотку его на иконостас поставила, чтоб молиться перед сном. Ну, или на заставку телефона, это сейчас модно.

Но уж кто-кто, а я прошла охрененно тернистый путь от бродяжки-фортчицы до жены чинуши из правительства, так что наивность – это не про меня.

Я перевернулась на спину и отрешённым взглядом уставилась в потолок. Мне всё до лампочки и выше.

– Наташа! – послышалось строгое. – Что здесь делает этот... – Костя запнулся, не стал озвучивать, кем считает Маркелова. – И почему на диване кровь?

– Тебе какое дело? – фыркнула я. – Ты, козёл, меня бросил, так что топай отсюда, а я сама разберусь, – тут я вспомнила, что было ночью, и захохотала в голос.

– Что смешного? – крайне озадаченно спросил Костя.

– У-у-у, не могу... – я свернулась в клубок и стучала себя кулаком по колену.

– Ничего смешного! – обиженно простонал Маркелов. Он по-прежнему кособоко, на одном полупопии, сидел на полу и боялся пошевелиться, потому что Дружок плотоядно смотрел на него и скалился.

– Наташа, ты объяснишь мне, что здесь происходит? – снова Костя со своими выяснениями.

– Этот дебил попытался пристать ко мне ночью и получил от меня по яйцам. А Дружок ему задницу прокусил... – задыхаясь от смеха, ответила я.

– Лучше б я на улице остался ночевать, чем с тобой и твоим живоглотом, – пожаловался Маркелов.

– Я тебя, дерьмо собачье, из жалости приютила. Если ты ещё хоть раз в жизни пристанешь ко мне, я тебя вообще оскоплю и на завтрак твои же причиндалы пожарю! Понял меня? – от души пригрозила я.

Костя посмотрел на Маркелова так, будто снова вот-вот набросится с кулаками.

Герман выставил ладонь вперёд, как бы показывая, что не надо его бить.

– Ты-ы это... мужик, не кипятись. Не было ничего у нас. Я для приличия только приставал. Она сказала, что вы это... расстались. Откуда ж мне было знать, что она... такая, – какая такая, он уточнять не стал.

Я-таки оторвала голову от подушки. Перед глазами всё поплыло. Шею словно дубасили скалками всю ночь, даже поворачивать больно. Спина будто не своя. Последствия роковой травмы, чтоб её... И, главное, сколько будет продолжаться это испытание болью – неясно. Если до конца жизни, то лучше застрелиться.

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались... – саркастически пропела я. – А теперь выметайтесь оба. Слишком большая концентрация козлов на меня одну.

Маркелов неудобно пошевелился и застонал. От боли у него прошибло слезу.

Ну и как его отпустить в жестокий мир, такого умирающего? Эх, почему-то моя сострадательность всё время выходит мне боком.

– Снимай трусы, посмотрю, что там у тебя, – сказала я Маркелову.

– Я не буду снимать трусы при нём! – в ужасе воскликнул Герман, показывая на Костю.

– А вдруг гангрена начнётся? Задницу тебе отрежут, и будешь, как Кошей, костями греметь, – обрисовала я ему перспективы. Стращать я мастер. – Девки клевать перестанут, – и обратилась к Косте: – А ты пока можешь Дружка выгулять.

Маркелов хохотнул сквозь слёзы:

– Так он за этим к тебе и пришёл – дружка выгулять?

Я лягнула его по укушенному месту, и он завопил, как под пытками.

– Поговори мне ещё. Шутник нашёлся, – пригрозила ему.

Дружок многообещающе зарычал и приготовился снова наброситься на жертву.

– Дружок, фу! Не тронь каку! – скомандовала я.

Костя наотрез отказался уходить.

– Я пришёл поговорить с тобой о нас и застал тебя с этим... – процедил он.

– Ты. Меня. Бросил! – отчеканила я. – Тебе ли меня осуждать?

– Скажи, у тебя с ним что-то было?

– Да как ты смеешь спрашивать?! – кажись, кое-кто довёл меня. – Я, в отличие от некоторых, не настолько сошла с ума от одиночества, чтобы прыгать на всё, что движется в мою сторону!

– Э-э, я вообще-то ещё тут, – напомнил Герман, зажатый в углу скалящимся Дружком.

Я храбро преодолела боль, каким-то чудом поднялась на ноги и увела Дружка в ванную. Выгуляю сама. Позже. Когда разберусь с козлами.

Создатель! Где же я так нагрешила, что ко мне липнут одни... ХМ-ГМ.

Пока я обрабатывала в попу раненого Маркелова, он стонал и извивался, будто его пытаются раскалённым железом. Укушенная ягодица у него опухла и налилась брусникой.

– Я, конечно, не хочу тебя пугать, но... – я коварно выдержала драматическую паузу. – Дела у тебя плохи.

– Что? – встрепнулся он. – Что там?

– Дружок откусил тебе кусочек задницы... – нагнела ужаса я. – Но ты не переживай. Вот сожгу его погулять и, может быть, удастся выковырять пропажу из фекалий.

Маркелов взвыл. То ли от осознания, что кусочек его раскрасивой плоти сейчас путешествует по Дружковым кишкам, то ли от ужаса перед физическим несовершенством. Кому он такой покусанный нужен-то?

Мне ни капельки его не жаль. Когда Герман с приятелем скрутили меня и натыкали носом в облитый машинным маслом сутроб, им было по фигу, что мне больно, что мой пуховик безнадёжно испачкался. И, главное, ни за что ни про что! И вот, спустя два года, я отомстила. Непреднамеренно, конечно, но всё же...

Кайф!

Смотрю вот на голую истерзанную Маркеловскую задницу, сижу аки госпожа над рабом и орудную. Чуть в сторонке за мной зорко следит Костя. Нервничает.

Потешная, должно быть, картина.

– Надо в больницу, – констатировала я. – Но сначала я выгуляю пса.

– Я с тобой, – сказал Костя.

– Пф! Сдался ты мне! Когда надо, тебя не допросишься, а когда не надо... – и я махнула рукой. Нечего мне перед всякими свиньями бисер рассыпать. Вот была бы я криворукой фермершей-рукодельницей – тогда другое дело.

Я оставила Маркелова отлёживаться на диване, взяла уличную одежду, переделась и привела себя в порядок в ванной.

Костя увязался за мной на улицу.

– Мы не договорили, Наташа, – снова заговорил он. – Ты помнишь, какой завтра день?

– День, когда нас официально разведут, – ответила я. – Только чего ты сегодня припёрся, я не понимаю.

– Я понял, что не могу без тебя, – признался он.

Мне захотелось заорать матом на весь двор. Передумал он разводиться, видите ли. Да какого хрена вообще? Я тут по крупичкам себя собирала два месяца, а он притащился весь такой жалкий и обратно зовёт! Ну не козёл, а?

– Знаешь, мне очень повезло... – завуалированно начала я. – У меня есть верный пёс, который любит кусать за задницу всяких там козлов.

– Наташа, я серьёзно... – вздохнул он так тяжело, словно вся печаль мира легла ему на грудь.

– Другую дуру поищи.

Моросил противный дождик, и Дружок, сделав свои дела, охотно потянулся домой. За нами зачем-то опять увязался Костя. И чего пристал?

Я заперла пса в ванной, чтобы Маркелов мог спокойно одеться, и мы снова вышли.

– Я подвезу, – сказал Костя, а мой звезданутый бывший одноклассник охотно сел в машину. Точнее, рыбкой занырнул на задние сидения, чем вынудил меня сесть спереди.

Вообще я могла бы остаться дома, но всё-таки я в ответе за то, что натворил мой пёс.

В приёмном покое сидела прехорошенькая, но образцово строгая медсестричка. У Германа тут же загорелись глазищи, и мы с Костей перестали для него существовать. Ну вот и всё. От одного козла избавилась, теперь остался второй, некогда разбивший мне сердце.

Глава 1. Скромное начало семейной жизни

Пятого июня две тысячи десятого года мы с Костей расписались. Я, восемнадцатилетняя школьница, и он, мой бывший попечитель, тридцати четырёх, почти тридцати пяти лет от роду.

Да-да, я та самая сирота детдомовская, которая влюбилась в своего попечителя. Добивалась его всеми правдами и неправдами, и вот итог.

Свекровь, Светлана Георгиевна (Изверговна), несмотря на обещания умереть сразу после нашей свадьбы, жива-живёхонька.

– Только через мой труп! – кричала она Косте, когда тот сообщил ей о нашей предстоящей свадьбе.

Но ничего, мы это дело пережили и расписались. Тихо, без свадебных нарядов, гостей и дебильных выкупов невесты. Мне весь этот цирк не нужен, а Костя уже был женат, и любителем пышных торжеств его не назовёшь. Его первая жена, Юля, погибла, когда ехала в такси со свадьбы подруги.

Так что мы ограничились «джинсовой» росписью на студенческий манер.

В ЗАГСе мимо нас сновали невесты в пышных белоснежных платьях, ловящие каждый невестин шаг фотографы и приглашённые на чужие свадьбы гости, все как на подбор на каблуках и разоде-тые, будто на конкурс красоты для тётенок. Мужчины в пиджачках чувствовали себя неуютно, сразу видно, не привыкли носить официальную одежду.

В общем, популярные ныне пышные, взятые в кредит свадьбы, – это мероприятие, где каждый становится немножечко не собой. Этакий бал-маскарад с заранее выбранными королём и королевой.

А вот мы решили обойтись без праздника. Любовь, она ведь временем проверяется. Да и стыдно мне, школьнице, понтоваться. Я и так счастлива до безобразия, что добилась-таки своего мужчину.